

ЭПОХА КЛЮЧНИК

ВИТАЛИЙ СТАРЫЙ

Виталий Старый

Ключник

<https://litres.ru/74577368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дверь между мирами не закрылась. И теперь через неё идут не только чудовища.

В имение Дани приходит раненый Горхад — первый живой знак того, что Эйрдан по-прежнему рядом. Следом появляются новые чужаки, неизвестные материалы, магия и слишком много людей, которым очень хочется взять проход под контроль.

Церковь требует ответов. Государство — порядка. Тайные общества — доступа. А сам Даня всё чаще слышит одно слово:

Ключник.

Он не герой и не избранный. Он просто знает: любую систему можно понять, если достаточно долго искать её правила. Но у этой системы есть цена. И чем ближе Даня подбирается к разгадке, тем яснее становится — проход связан с ним сильнее, чем он хотел бы.

Теперь вопрос не в том, как открыть дверь.

Вопрос в том, кто заплатит за то, чтобы она осталась открытой.

Содержание

Глава 1. Чужой на снегу	4
Глава 2. Слова без языка	27
Глава 3. Те, кто вышел следом	54
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виталий Старый

Ключник

Глава 1. Чужой на снегу

Сани пришли к лесничьему дому уже в темноте.

До этого Даня успел дважды проверить, дышит ли раненый, один раз поспорить с Федькой из-за того, что тот предлагал позвать священника, и окончательно понять: тащить в господский дом зелёно-серого человека с клыками через главный двор — идея плохая даже по меркам последних двух лет.

Игнат вернулся вместе с кучером, двумя дворовыми и тулупом, которым можно было накрыть половину лошади.

Кучер первым заглянул в избу.

— Это кто?

Игнат снял с гвоздя фонарь.

— Больной.

— Я вижу, что больной. Кто?

— Тяжёлый.

Кучер посмотрел на него, потом на Даню.

— Ваше сиятельство?

Даня стоял у лавки. Раненый всё ещё держал край его рукава, хотя сознание то приходило, то уходило.

— В сани его. И сверху накрыть.

— А ежели...

— Что?

Кучер показал глазами на клыки.

— Ежели очнётся?

— Не суй ему пальцы в рот.

Кучер помолчал.

— Разумно.

Игнат посмотрел на Даню.

Даня устало потёр лицо.

— Я начинаю плохо на тебя влиять.

— Давно.

Это было сказано настолько буднично, что Даня даже не сразу понял, что Игнат ему ответил.

Раненого переносили вчетвером. Он оказался тяжелее, чем выглядел в снегу. Железные пластины на доспехе цеплялись за дверной косяк, один ремень лопнул, и под ним показалась пропитанная кровью ткань. Орк пришёл в себя, глухо рыкнул и попытался сесть.

— Тихо, — сказал Даня.

Бесполезное слово. Он всё равно повторил:

— Тихо. Мы тебя везём.

Раненый посмотрел на него мутно, перевёл взгляд на амулет под расстёгнутым сюртуком и снова выговорил:

— Ключник.

Кучер креститься не стал. Он просто отступил на шаг.

— Оно разговаривает.

— Он, — поправил Даня.

— Чего?

— Он разговаривает.

Кучер посмотрел на орка ещё раз.

— Стало быть, он.

Игнат уже придерживал полог саней.

— Поехали.

К господскому дому они не повернули.

У Даниного имения было достаточно построек, чтобы потерять в них не только одного орка, но при желании и небольшой полк. За старой кухней стоял каменный флигель, где прежде хранили посуду, свечи и всё то, что управляющий считал слишком ценным для амбара и недостаточно ценным для дома. Зимой там держали только мешки с крупой, пустые кадки и пару сломанных стульев.

Игнат распорядился освободить дальнюю комнату.

— Почему сюда? — спросил Даня, пока дворовые вытаскивали мешки.

— В дом нельзя.

— Это я понимаю.

— В конюшню тоже.

— Почему?

Игнат взглянул на него.

— Лошади.

Даня представил, как половина конюшни ломает перегородки при первом рыке, и согласился.

Раненого уложили на широкую деревянную лавку. Доспех пришлось снимать. С этим возникла первая настоящая проблема: пряжки были незнакомые, часть застёжек скрывалась под пластинами, а одну Даня минуту пытался расстегнуть, пока Игнат молча не повернул её боком.

— Откуда ты знаешь?

— Видно.

— Мне не было видно.

— Вы торопились.

Когда сняли нагрудник, стало понятно, почему орк ещё не встал и не зарубил никого из присутствующих. Под правыми рёбрами шла длинная рваная рана. Кровь уже запеклась, но ткань вокруг была тёмной и мокрой. Внутри раны блеснул кусок металла.

Даня выпрямился.

— Врач где?

— За врачом послали.

— Сколько?

— К утру, если дорога пустит.

— А сейчас?

Игнат указал на дверь.

Вошла Марфа.

Даня видел её раньше. Маленькая крепкая женщина лет пятидесяти с руками, которыми можно было либо прини-

мать роды, либо месить тесто на весь двор. Обычно она лечила дворовых, принимала детей и ругалась на лекарей за то, что те приезжают после того, как больной либо выздоровел, либо умер.

Марфа поставила на стол корзину.

Посмотрела на Даню.

На Игната.

На орка.

Подошла ближе и оттянула пальцем его нижнюю губу, разглядывая клык.

— Ишь ты.

— Марфа...

— Не мешайте, батюшка.

— Я ничего не...

— Уже мешаете.

Она сняла платок, закатала рукава и наклонилась к ране.

Орк открыл глаза.

Марфа ткнула его пальцем в плечо.

— Лежи, милоч.

Он оскалился.

— Это он не понимает, — сказал Даня.

— Боль поймёт.

Она вылила на чистую тряпку водку. Орк дёрнулся ещё до того, как ткань коснулась раны.

Марфа одобрительно кивнула.

— Вот. Значит, не дурак.

— Почему?

— Больно заранее.

Даня решил не уточнять медицинскую логику.

Марфа промыла края раны. Орк стиснул зубы и ухватился за лавку. Доска заскрипела.

— Крепкий, — сказала Марфа. — Ишь, чёрт крепкий.

Игнат кашлянул.

— Не чёрт.

Марфа даже не повернулась.

— Мне всё одно. Кровь красная.

Даня посмотрел.

Кровь действительно была красная.

Почему-то именно это подействовало сильнее клыков, доспеха и слова «Ключник». Не зелёная. Не чёрная. Не светящаяся. Обычная кровь густела на обычной белой тряпке.

Марфа достала щипцы.

— Держать будете.

— Что?

— Его.

— А обезболить?

Марфа поставила перед Даней кружку.

— Ему?

— Конечно ему.

— А чем?

В кружке была водка.

Он перевёл взгляд на неё.

— Это обезболивание?

— Это чтоб не скучно было.

Игнат отвернулся к окну. Плечо у него едва заметно дёрнулось.

— Очень смешно.

— Не смеюсь.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

Марфа сунула кружку раненому к губам. Тот понюхал, отодвинул голову, потом снова посмотрел на жидкость. Сделал глоток.

Задумался.

Сделал второй.

— Вот, — сказала Марфа. — Наш человек.

Даня снова не стал поправлять.

Кусок металла оказался обломком наконечника. Марфа вынула его с третьей попытки. На второй Горхад — Даня ещё не знал его имени — так стиснул Данину руку, что костяшки захрустели. На третьей перестал рычать совсем.

Когда всё закончилось, Марфа зашила рану толстой нитью, положила сверху чистую ткань и велела принести тёплой воды.

— А подорожник? — спросил Даня.

Она посмотрела на него с подозрением.

— Зимой?

— Точно.

— Вот и славно. Будет мазь, что летом сушила. И покой.
И суп.

— Сырого мяса не надо?

Марфа пожала плечами.

— Проснётся — спросим.

— Как?

— Рукой покажет.

Она собрала окровавленные тряпки в таз.

— Если до утра жаром не возьмёт — жить будет. Если
возьмёт, тоже может жить. Большой.

— Это медицинский прогноз?

— Это я на него смотрю.

Марфа взяла корзину.

У двери остановилась и обернулась.

— А рога где?

— Какие рога?

— Малаша сказала, с рогами.

— Нет у него рогов.

Марфа фыркнула.

— Жалко. С рогами красивее.

И ушла.

К утру знали все.

Даня ещё надеялся, что флигель, снег и ночь дадут им хотя бы день. Оказалось, в имении существовала собственная сеть связи, которой не требовались ни почта, ни телеграф,

ни капсула полного погружения. Достаточно было двум дво-
ровым нести ночью в старую кухню человека под тулупом.

На рассвете кухарка уже спрашивала у Игната, ест ли
«персиянин» кашу.

К восьми утра конюх утверждал, что у гостя три ряда зу-
бов.

К девяти Малаша лично видела рога.

Даня вызвал её.

Малаша пришла в переднике, поклонилась и сразу приго-
товилась защищать правду.

— Ты его видела?

— Видела, ваше сиятельство.

— Где?

— Как несли.

— Рога видела?

— Темно было.

— Так видела или темно было?

Малаша подумала.

— Тень видела.

— От чего?

— От рогов.

Игнат стоял у двери с совершенно неподвижным лицом.

Даня посмотрел на него.

— Не помогай.

— Не собирался.

— Малаша. У нашего гостя нет рогов.

— Стало быть, снял.

— Что?

Она пожала плечами.

— Иностранцы.

Даня закрыл глаза.

Когда-то он искренне считал, что самая опасная информационная система — это форум без модерации.

— Позови остальных, — сказал он.

Через полчаса в людской стояли человек двадцать: кухарки, лакеи, две прачки, кучер, старший конюх, дворник, Маша и неизвестно зачем пришедший садовник, хотя сад лежал под снегом.

Даня встал перед ними.

Он заранее придумал объяснение.

Оно казалось почти разумным.

— Вчера к нам доставили иностранного гостя. Он тяжело болен и ранен. Вид у него... непривычный. Это последствия болезни.

Никто не сказал ни слова.

— Он прибыл издалека. Очень издалека. Разговаривать пока не может.

Кухарка подняла руку.

Даня машинально кивнул.

— Ваше сиятельство, а зубы?

— Последствия болезни.

— А цвет?

— Тоже.

Садовник спросил:

— Заразное?

Эту часть легенды стоило продумать раньше.

— Нет.

— А откуда он?

Вот здесь план заканчивался.

Он перевёл взгляд на Игната.

Игнат посмотрел на Даню.

— Из... — начал Даня.

Он перебрал Турцию, Персию, Кавказ, Индию и Китай. Любой вариант был плох, потому что рано или поздно в имении мог появиться человек, который хотя бы примерно представлял, как выглядит житель выбранного места.

Игнат сказал:

— Из Персии.

Все сразу успокоились.

Даня повернул к нему голову.

— Почему из Персии?

— Далеко.

Кучер серьёзно кивнул.

— Я так и подумал.

— По клыкам? — спросил Даня.

— По доспеху.

Садовник сказал:

— Персияне они тёмные.

Кухарка добавила:

— И специи едят.

Малаша торжествующе посмотрела на Даню.

— А рога?

— У персиян рогов нет, — сказал он.

— Откуда знаете?

Даня открыл рот.

Игнат успел раньше:

— Барин книги читает.

Это оказалось окончательным доказательством.

Люди разошлись.

Даня дождался, пока последний выйдет.

— Из Персии?

— Оно и понятно, — сказал Игнат.

— Тебе самому понятно?

— Нет.

— Чудесно.

— Но им понятно.

С этим спорить было невозможно.

Врач приехал ближе к полудню.

Он осмотрел рану, понюхал мазь Марфы, посмотрел на пациента, снова на рану и осторожно спросил:

— Ваше сиятельство, откуда он?

— Персия.

Врач кивнул слишком быстро.

— Разумеется.

Легенда уже стала официальной.

Горхад проспал почти весь день. Жар всё-таки начался, но к вечеру не усилился. Марфа дважды меняла повязку, ругалась на врача за то, что тот «трогает чистыми пальцами грязнее грязных», и выгнала его из комнаты, когда он предложил кровопускание.

— У него и так кровь вышла, — сказала она. — Ещё вам дать?

Врач не нашёл ответа.

Даня сидел у стены с книгой, которую не читал.

На столе лежал обломок наконечника, вынутый из раны. Чёрный металл, три зазубрины, тонкая белая прожилка по краю. Не русский. Не французский. Не похожий ни на что из того, что Даня видел здесь.

В кармане нагревался амулет.

Он достал пластинку и положил на ладонь.

Тёмная, почти чёрная, с тем знаком, который Мирейна передала ему в развалинах. Вчера амулет отозвался на Горхада. Сегодня оставался тёплым, пока раненый спал, и остывал, когда Даня выходил из комнаты.

Даня не стал записывать правило.

Один человек. Один предмет. Один день.

Хватит.

Около полуночи Горхад открыл глаза.

На этот раз взгляд был яснее.

Он увидел Марфину миску с водой. Потом окно. Дверь. Даню.

Поднял руку.

Даня напрягся, но орк только показал на кружку.

— Вода?

Он налил.

Горхад выпил жадно. Потом потрогал повязку и нахмурился.

— Это не я, — сказал Даня. — Марфа.

Он показал в сторону двери.

— Марфа.

Орк повторил:

— Мар... фа.

— Да.

Даня ткнул пальцем в себя.

— Даня.

Раненый посмотрел на него.

— Ключник.

— Нет. Даня.

— Ключник.

— Это не имя.

Горхад молчал.

Даня попробовал ещё раз.

— Даня.

Он указал на себя.

Потом на орка.

— Ты?

Раненый понял жест. Коснулся ладонью груди.

Произнёс два слова.

Первое Даня не разобрал. Второе звучало как «Улум».

— Ещё раз.

Орк повторил медленнее:

— Горхад Улум.

— Горхад?

Тот кивнул.

Даня показал на себя.

— Даня.

Горхад посмотрел на него с терпением человека, которому собеседник упорно мешает закончить простую работу.

— Ключник.

— Ладно. Потом.

Орк указал на амулет.

Даня достал его.

Горхад сразу перестал смотреть на всё остальное.

Он вытянул руку, но не взял пластинку. Поднёс два пальца к самому краю, замер и отвёл.

Сказал длинную фразу.

Даня не понял ни слова.

— Медленнее.

Горхад повторил.

Не помогло.

Тогда орк ткнул пальцем в амулет.

Потом в Даню.

Потом в сторону окна — туда, где за лесом лежала Поляна.

— Ключник.

Вот это было понятно.

— Я открыл, — сказал Даня. — Да.

Он показал рукой, как раздвигает что-то в воздухе.

Горхад резко схватил его за запястье.

— Нет.

Первое слово, кроме «Ключника» и имени, которое Даня понял без всякого перевода.

— Нет что?

Горхад отпустил руку. Поднял ладонь. Потом медленно провёл ею вперёд, будто толкая невидимую створку.

Снова указал на Даню.

На амулет.

На окно.

Потом раскрыл ладонь много раз подряд: один палец, два, три, вся пятерня, снова вся пятерня.

Много.

Даня перестал пытаться угадывать отдельные слова.

— Там ещё люди?

Горхад замер.

Даня показал на него.

Потом за окно.

Потом развёл руками вокруг комнаты, обозначая множе-

ство.

Орк сел слишком резко, побледнел под серо-зелёной кожей и прижал ладонь к повязке.

— Лежи.

Горхад оттолкнул его руку.

Сказал одно слово.

Потом ещё раз.

Не «Ключник».

Даня прислушался.

— Что?

Орк повторил и показал за окно.

Сделал руками движение, похожее на то, как несут ребёнка.

Потом ткнул пальцем в себя.

В окно.

Снова в себя.

Даня почувствовал, как мысль становится слишком удобной, и не позволил ей сразу стать ответом.

— Там твои?

Горхад не мог понять вопроса.

Но ему и не требовалось.

Он снова показал за окно.

И сказал что-то длинное, быстрое. Голос сорвался. Он лёг обратно только потому, что тело само отказалось сидеть.

Даня накрыл его одеялом.

— Хорошо. Я посмотрю.

Горхад закрыл глаза.

— Ключник.

На этот раз слово прозвучало не как имя.

Как требование.

Даня не пошёл к Поляне ночью.

Это решение далось ему тяжелее, чем хотелось признавать.

Он позвал Игната, поставил двух людей у флигеля и только потом вернулся в кабинет.

На столе лежала тетрадь.

Та самая, в которой когда-то было три колонки: «ТОЧНО», «ПРИМЕРНО», «НЕ ПОМНЮ». Потом другие записи. Потом слишком много попыток заставить мир отвечать аккуратно.

Даня открыл чистую страницу.

Написал:

ГОРХАД УЛУМ.

Ниже:

Знает слово «Ключник». Узнал амулет. Показывает на Поляну. Там кто-то остался. Вероятно, много.

Последнее слово он зачеркнул.

Написал:

Там кто-то остался. Число неизвестно.

Посидел.

Добавил ещё одну строку:

Шов не закрыт.

Рука остановилась.

Это тоже было слишком уверенно.

Он зачеркнул «не закрыт».

Через шов прошёл Горхад после моей Заклёпки.

Вот так годилось.

Игнат вошёл без стука и поставил на стол чай.

— Спит?

— Пока.

— Марфа там.

— Я поставил людей.

— Вижу.

Даня закрыл тетрадь.

— Утром пойдём на Поляну.

Игнат снял крышку с чайника.

— Уже ходили.

Даня поднял голову.

— Кто?

— Федька. До темноты.

— И? — спросил Даня.

Игнат помолчал. — Следы. Его и мелкие.

Даня встал. — Сколько?

— Не считал. Темно было. Федька спит.

Даня уже шагнул к двери.

Игнат не двинулся.

— Сейчас не пойдём.

— Почему?

— Темно.

— У нас фонари.

— Лес тоже тёмный.

Даня посмотрел на него.

— Это аргумент?

— Да.

— Плохой.

— Зато до утра доживёт.

Даня остался стоять.

Игнат подвинул к нему чашку.

— Пейте.

— Ты стал командовать.

— Вы устали.

— Это не ответ.

— Чай остынет.

Даня сел.

За окном было тихо. Ни лилового света, ни стрекота, ни пропущенных кадров. Обычная январская ночь. Где-то далеко лаяла собака.

Он выпил половину чашки.

— Если там ещё люди...

Игнат поставил блюдце ровнее.

— Утром увидим.

— А если они выйдут ночью?

— Федька услышит.

— А если не услышит?

Игнат посмотрел на дверь.

— Тогда придут.

Даня подержал чашку в ладонях и больше не спрашивал.

Разбудили его до рассвета.

Он заснул прямо в кресле, в одежде, и сначала не понял, где находится. Игнат стоял рядом уже в шубе.

— Барин.

— Что?

— С Поляны пришли.

Даня встал слишком быстро. Ноги затекли.

— Кто?

— Никто.

— Ты сейчас специально?

Игнат протянул ему сапоги.

— Следы нашли. Свежие.

Даня натянул первый.

— Сколько?

Игнат подал второй.

— Много.

Это слово Даня уже слышал ночью без перевода.

На крыльце ждал Федька. Шапку он держал в руках, хотя мороз кусал уши.

— Ваше сиятельство.

— Показывай.

Они дошли до Поляны, когда между деревьями только начинало сереть.

Вчерашний снег был исписан.

Большие следы Горхада Даня узнал сразу. Они шли от тонкой линии к месту, где тот упал.

Но рядом были другие.

Маленькие босые отпечатки.

Следы сапог.

Что-то похожее на широкую лапу.

Несколько цепочек начинались у линии и уходили обратно.

Одна обрывалась посреди снега.

Другая шла к лесу.

Даня присел.

У самого края шва лежала полоска ткани, зацепившаяся за сухую траву. Серая, грубая. Не от Горхада.

Игнат стоял рядом и считал вполголоса:

— Один. Два. Три... Тут поверх.

Даня смотрел на снег.

Вчера он написал: **число неизвестно.**

Теперь можно было уточнить только одно.

Не один.

Тонкая линия в воздухе дрогнула.

С той стороны что-то ударило.

Глухо. Один раз.

Потом ещё.

Будто кто-то проверял дверь снаружи.

Даня не приблизился.

Игнат перестал считать.

Третий удар пришёл слабее.

После него всё стихло.

Даня поднял полоску ткани и спрятал в карман.

— Людей к лесу, — сказал он. — Без ружей на виду. Еду.

Одеяла. Сани.

Федька перекрестился.

— Сколько саней?

Он перевёл взгляд на следы.

— Все, что есть.

Глава 2. Слова без языка

К середине февраля Горхад уже ходил.

Марфа считала это личным оскорблением медицины.

— Ему лежать велено.

Горхад стоял у окна в одной рубахе, держась за подоконник. Рубаха была Данина, самая большая из тех, что нашлись в доме, и всё равно сидела на нём так, будто портной шутил.

— Лежать, — повторила Марфа и ткнула пальцем в лавку.

Горхад посмотрел на неё.

— Нет.

Это слово он выучил первым.

Марфа упёрла руки в бока.

— Ах нет?

— Нет.

— Сейчас будет тебе нет.

Она взяла с подоконника деревянную ложку.

Горхад сел.

Даня, стоявший в дверях, решил, что с таким методом переговоров спорить не стоит.

За три недели они собрали около сорока слов.

Точнее, Даня собрал около сорока. Горхад, судя по всему, выучил русских раза в два больше и просто не считал нужным сообщать.

Еда. Вода. Хлеб. Нож. Кровь. Снег. Лошадь. Дом. Лес. Да-

ня. Игнат. Марфа. Ключник.

Последнее Горхад упорно считал более правильным именем.

— Даня, — говорил Даня.

— Ключник.

— Даня.

— Ключник.

— У меня вообще-то есть имя.

Горхад показывал на него.

— Ключник.

Игнат однажды слушал это минуту, потом сказал:

— Может, у него так и есть.

— Что есть?

— Имя ваше.

— Моё имя не Ключник.

— Он не знает.

— Я три недели ему объясняю.

— Стало быть, знает. Не нравится.

Даня посмотрел на Горхада.

Тот ел кашу и не вмешивался.

С существительными было легче.

Даня ставил на стол предмет и называл.

— Чашка.

— Шаак.

— Чашка.

— Шаак.

— Нет, по-русски.

Горхад терпеливо повторял:

— Чашка.

Потом ставил рядом свою деревянную миску.

— Тар.

— Миска.

— Тар.

Они оба записывали — каждый по-своему.

Даня пером.

Горхад ножом на тонкой дощечке.

Письмо Горхада состояло из коротких угловатых знаков.

Несколько раз Даня пытался понять принцип и быстро перестал. Один знак менялся от того, какой стороной к нему добавляли засечку; два одинаковых знака подряд, по словам Горхада, означали совсем не то же самое, что один.

— Алфавит? — спросил Даня.

Горхад не понял.

Даня написал А, Б, В.

Показал.

Орк подумал, потом взял уголь и нарисовал три своих знака.

— Так?

Даня пожал плечами.

— Наверное.

Горхад пожал плечами точно так же.

Это был первый жест, который они понимали одинаково.
С глаголами начались проблемы.

Даня показывал:

— Идти.

Шёл до двери.

Горхад говорил слово.

Потом Даня возвращался.

— Возвращаться.

Горхад говорил то же слово.

— Нет. Это другое.

Орк смотрел.

Даня пошёл ещё раз.

Вернулся.

Показал сначала туда, потом обратно.

Горхад наконец понял разницу и произнёс два слова. Одно короткое, второе с глухим окончанием.

Даня повторил.

Горхад поморщился.

— Плохо?

— Плохо.

Это слово он тоже выучил быстро.

— Зато понятно.

Горхад не знал «зато» и проигнорировал.

К концу недели у них появились самые нужные фразы.

«Есть боль?»

«Мало».

«Есть жар?»

«Нет».

«Есть люди там?»

На последнем Горхад всегда переставал заниматься языком.

Он показывал на лес.

На Поляну.

Поднимал обе ладони.

Много.

Потом говорил слово, которое Дания сначала принял за имя.

— Мара.

— Кто Мара?

Горхад раздражался.

Тыкал себе в грудь.

Потом показывал на маленькую деревянную фигурку человека, которую Дания вырезал из щепки для уроков.

Большой.

Маленький.

Женщина.

Мужчина.

Ребёнок.

Горхад взял маленькую фигурку, прижал к груди и сказал:

— Мара.

— Ребёнок?

— Нет.

Он показал на дверь.

Позвал Марфу.

Марфа вошла с миской супа.

Горхад ткнул пальцем в неё.

— Мара?

Марфа остановилась.

— Чего ему?

— Не знаю.

Горхад покачал головой.

Показал сначала на Марфу, потом рукой ниже, как будто уменьшал её рост, потом на себя.

Даня следил.

Марфа поняла первой.

— Мать, что ли?

Горхад резко повернулся к ней.

— Мара.

Марфа постучала себя в грудь.

— Мать.

— Мат.

— Мать.

— Мать.

Даня записал.

Горхад выхватил у него перо, ткнул в слово и потом снова показал в сторону Поляны.

— Мать.

Не его мать.

Не обязательно чья-то конкретная.

Мать там.

Матери.

Дети.

Семьи.

Даня закрыл тетрадь.

— Я понял.

Горхад положил ладонь на обложку.

— Нет.

Он перевёл взгляд на него.

Орк показал на лес.

Потом на Даню.

— Ключник.

— Я знаю, что ты хочешь.

— Нет.

— Хочешь, чтобы я открыл.

Горхад долго смотрел ему в лицо.

Потом произнёс русское слово, которое выучил вчера:

— Ждать.

И добавил своё, длинное.

Даня не понял.

Но разницу уловил.

Горхад не просил открыть дверь.

Он просил не закрывать.

Следы у Поляны появлялись почти каждый день.

Не люди.

Следы.

Один раз — три маленьких отпечатка босых ног, которые шли от шва до старого пня и обратно.

На следующий день — глубокая ямка от колена и круглый отпечаток, будто кто-то поставил на снег банку.

Потом несколько дней ничего.

Даня не пытался звать.

Он приходил, смотрел, измерял расстояния, иногда оставлял еду в деревянной миске. Еда исчезала не всегда.

Кусок хлеба однажды пролежал двое суток и замёрз.

Копчёное мясо исчезло за час.

Игнат сделал вывод:

— Хлеб не любят.

— Это один случай.

— Мясо два.

— Всё равно мало.

— Хлеб всё равно не любят.

Даня оставил спор.

Они поставили у края Поляны старый сундук без замка. Внутри: хлеб, сушёное мясо, тряпки, маленькая фляга воды.

На крышке Даня нарисовал углём человека и стрелку.

Потом посмотрел на рисунок.

— Похоже на виселицу.

Игнат посмотрел.

— Похоже.

— Сотри.

— Уже поздно.

— Почему?

Игнат показал на снег.

От шва к сундуку шла новая цепочка следов.

Маленьких.

Очень маленьких.

Даня присел.

След был уже его ладони.

— Ребёнок?

— Сапог, — сказал Игнат.

— Я вижу.

— Маленький сапог.

Следы подходили к сундуку.

Крышка была закрыта.

Внутри всё осталось на месте, кроме фляги.

Рядом стояла маленькая глиняная баночка.

Пустая.

Даня поднял её.

Глина была почти чёрная, шершавая. На боку процарапаны три косые линии.

— Обмен? — спросил он.

Игнат пожал плечами.

— За воду дорого.

— Мы не знаем, что это.

— Банка.

— Спасибо.

— Пустая.

— Ещё лучше.

Даня завернул баночку в ткань.

На следующий день она исчезла из кабинета.

Он нашёл её на кухне.

Марфа держала в ней соль.

— Это откуда?

— Баночка?

— Да.

— Хорошая.

— Марфа.

— Что?

— Она была у меня на столе.

— Пустая была.

— Это не значит, что её можно брать.

Марфа посмотрела на него.

— А соль куда?

Даня забрал баночку и поставил обратно.

Наутро в ней снова лежала соль.

Он сдался.

Ниш появилась ночью.

Не вышла.

Именно появилась.

Даня потом несколько раз прокручивал момент и всё рав-

но не мог решить, где началось движение.

Они с Игнатом сидели у края леса уже третий час. Мороз был слабый, но сырой. Даня дважды пожалел, что не послушал Игната и не взял вторую пару чулок.

Перед ними лежала Поляна.

Тонкая линия шва не светилась. Только иногда воздух у старого пня делался чуть мутнее.

— Ничего, — сказал Даня.

Игнат молчал.

— Ты можешь согласиться.

— Могу.

— И?

— Не хочу.

— Почему?

— Тогда уйдём.

Даня подтянул воротник.

— Ещё полчаса.

Игнат ничего не сказал.

Из шва вылетел мешок.

Он упал в снег метрах в трёх от них.

Даня встал.

Следом вылетела маленькая фигура.

Она ударилась ногами о землю, перекувырнулась, вскочила — и оказалась примерно по грудь Дане, зелёно-бурая, в короткой кожаной куртке, с огромными ушами и ножом в руке.

Все трое замерли.

Фигура посмотрела на Даню.

На Игната.

На мешок.

Схватила мешок.

Игнат сказал:

— Не надо.

Гоблинка издала такой звук, что с ближайшей сосны посыпался снег.

Потом прыгнула.

Не на них.

Вверх.

Она ухватила за нижнюю ветку, подтянулась и через секунду уже сидела над их головами, прижимая мешок к животу.

Даня поднял руки.

— Тихо.

Сверху полилась речь.

Очень быстрая.

Очень громкая.

Ни одного знакомого слова.

— Мы не понимаем, — сказал Даня.

Речь ускорилась.

Игнат поднял голову.

В этот момент из мешка выпала железная кружка.

Она ударила его точно в лоб.

Игнат сел в снег.

— Игнат?

Он посмотрел на Даню с удивлением.

Потом завалился набок.

— Чёрт, — сказал Даня.

Гоблинка замолчала.

Даня бросился к Игнату.

— Игнат.

Тот не отвечал.

На лбу быстро наливалась шишка.

Даня проверил дыхание.

Есть.

— Ты его убила?

С ветки донеслось короткое возмущённое слово.

— Отлично. Я тоже ничего не понял.

Гоблинка спустилась ниже.

Даня поднял ладонь.

— Стой.

Она остановилась.

Указала на Игната.

Потом на кружку в снегу.

Развела руками.

— Случайно?

Она кивнула.

И тут же показала на его карман.

— Что?

Палец.

На карман.

Даня машинально накрыл его рукой.

Там были часы.

— Нет.

Гоблинка оскалилась.

Не страшно.

Довольно.

— Даже не начинай.

Она прыгнула вниз.

Даня успел только отступить. Она приземлилась рядом, сунула нож в ножны и протянула руку к Игнату.

— Не трогай.

Гоблинка закатила глаза, оттолкнула его ладонь и быстро ощупала Игнату голову. Нашла шишку. Понюхала пальцы.

Сказала что-то.

— Если это значит «жив», спасибо.

Она показала большой палец.

Даня уставился.

— Серьёзно?

Гоблинка тоже уставилась.

Потом показала палец ещё раз.

Возможно, жест означал вообще другое.

Игнат застонал.

— Барин...

— Живой.

— Вижу.

— Ты без сознания был.

Игнат потрогал лоб.

— Вижу.

Гоблинка уже стояла у него за спиной.

Игнат повернул голову.

Она показала зубы.

Игнат снова лёг в снег.

— Нет, — сказал Даня. — Второй раз не считается.

Домой они вернулись втроём.

Точнее, Даня и Игнат вернулись домой.

Ниш пошла за ними по крышам сараев, заборам и веткам, не приближаясь ближе десяти шагов.

Её имя выяснилось у флигеля.

Горхад услышал крики во дворе, вышел, придерживая бок, и остановился.

Гоблинка увидела его.

Сказала что-то очень быстро.

Горхад ответил двумя словами.

Она ответила примерно сорока.

Он снова сказал два.

Она спрыгнула с забора, подбежала и ударила его кулаком в живот.

Горхад согнулся.

Марфа высунулась из двери.

— Ты чего больного бьёшь?

Гоблинка замерла.

Марфа ткнула в неё пальцем.

— Нельзя.

Гоблинка посмотрела на Горхада.

На Марфу.

Снова на Горхада.

Сказала короткое слово.

Горхад ответил:

— Ниш.

— Ниш? — спросил Даня.

Горхад показал на гоблинку.

— Ниш.

Та поправила мешок и добавила:

— Скрип.

— Ниш Скрип?

Она ткнула в себя.

— Ниш.

Потом провела ногтем по железной пряжке. Раздался противный скрежет.

— Скрип.

— Прозвище, — сказал Даня.

Игнат держал снег у лба.

— Подходит.

Ниш услышала его голос и радостно показала на железную кружку.

Игнат отвернулся.

На следующий день исчезли Данини часы.

Он заметил это к завтраку.

Проверил жилет.

Камзол.

Стол.

Кровать.

— Игнат.

— Нет.

— Я ещё не спросил.

— Часы не брал.

— Где Ниш?

Игнат показал на потолок.

Ниш обнаружилась на верхней площадке лестницы. Сидела на перилах, болтала ногами и рассматривала часы.

— Верни.

Она спрятала их за спину.

— Ниш.

Улыбка.

— Это мои.

Она указала на себя.

— Ниш.

— Да. Ниш. А часы мои.

Она показала на часы.

Потом на Даню.

Потом на себя.

И загнула три пальца.

— Ты их купила?

Ниш загнула четвёртый.

— У кого?

Она показала на Даню.

— У меня?

Кивок.

— Я тебе их не продавал.

Ниш сказала длинную фразу.

Горхад, сидевший у стола, произнёс:

— Плохо.

Ниш возмущённо обернулась.

Горхад повторил:

— Плохо.

Ниш показала ему язык.

Потом прыгнула, подошла к Дане и протянула часы.

Он взял.

Она не отпускала.

— Что?

Ниш указала на кухню.

— Еда?

Кивок.

— За мои часы?

Ещё один кивок.

Даня посмотрел на Горхада.

Тот ел хлеб.

— Ты сейчас специально молчишь?

— Да.

Даня выменял собственные часы на две пирожные лепёшки.

Через час Ниш вернула одну.

Видимо, решила, что цена была завышена.

Ещё через два дня она вскрыла амбар.

Не потому, что хотела украсть.

Это выяснилось потом.

Сначала управляющий прибежал к Дане белый от ярости и сообщил, что «маленькая чужестранка» сломала замок.

— У неё есть имя.

— А кто она?

Даня подумал.

— Вот это мы и выясняем.

У амбара собралась половина двора.

Ниш стояла перед дверью с куском проволоки.

Замок висел открытый.

Даня показал на него.

— Ты?

Ниш гордо кивнула.

— Зачем?

Вместо ответа она закрыла замок, вставила проволоку: щёлк — открыла, снова закрыла, снова щёлк.

Управляющий побагровел.

— Ваше сиятельство, это же воровской инструмент.

Ниш услышала тон, посмотрела на управляющего и спря-
тала проволоку за ухо.

— Нет, — сказал Даня.

— Но...

— Я не про инструмент. Не кричите.

Он подошёл к Ниш.

— Ещё раз.

Она открыла замок.

Даня присел.

— Медленнее.

Ниш закатила глаза, но повторила.

Он не понял ничего.

Проволока вошла, два движения, замок открылся.

— Ты все так можешь?

Она посмотрела вокруг.

Указала на дверь конюшни.

На сундук управляющего.

На Данин кабинет.

На самого управляющего.

Потом сказала что-то и засмеялась.

Горхад, пришедший посмотреть, перевёл одним русским
словом:

— Всё.

Управляющий побледнел.

— Ваше сиятельство...

— Замки менять бесполезно, — сказал Даня. — Ставьте людей.

Ниш ткнула пальцем в управляющего.

Потом в дверь.

И отрицательно покачала головой.

— Люди тоже бесполезны?

Она широко улыбнулась.

Он перевёл взгляд на управляющего.

— Ставьте двух.

Договор с Ниш получился без договора.

Она уходила к Поляне.

Иногда исчезала на несколько часов.

Иногда на два дня.

Возвращалась с вещами.

Пустые пузырьки.

Куски ткани.

Два ножа незнакомой формы.

Сушёные листья, от которых Марфа пришла в восторг и немедленно отобрала половину.

Один раз принесла кусок синего стекла, тёплый на морозе.

Другой — маленькую чёрную пластинку со множеством царапин.

Даня взял её в руку.

Пластик.

Или что-то очень похожее.

Слишком лёгкая.

Слишком ровная по краю.

Он повернул к окну.

Царапины были беспорядочные. Никаких букв.

Ниш вырвала пластинку обратно и сунула в мешок.

— Эй.

Она сказала что-то.

Протянула ладонь.

— Сколько?

Ниш просияла.

Торг занял десять минут.

Цена остановилась на трёх серебряных пуговицах и обещании не спрашивать, где она берёт вещи.

Последнее условие Даня понял только по жестам и всё равно не собирался соблюдать.

Он оставил пластинку у себя.

Не записал «земная».

Не записал «капсула».

Только завернул и убрал к другим находкам.

В конце февраля Горхад впервые дошёл до Поляны сам.

Марфа шла за ним почти до леса, ругаясь.

— Разойдётся шов — сам зашивать будешь!

Горхад уже понимал слово «шов» только применительно к ране и оглядывался на неё с явным беспокойством.

Даня шёл рядом.

Ниш исчезла утром.

У шва её следов не было.

Горхад остановился метрах в десяти от тонкой линии.

Лицо у него стало другим.

Не испуганным.

Собранным.

Воевода вернулся.

Он снял с пояса короткий нож и положил в снег.

Потом кусок хлеба.

Потом коснулся ладонью земли.

Даня не вмешивался.

Через минуту Горхад поднялся.

Показал на шов.

— Мать.

Даня кивнул.

— Матери там.

Горхад показал много.

— Много.

— Да.

Орк выучил это слово.

— Много.

Потом ткнул пальцем в Даню.

— Ключник.

— Да.

Горхад покачал головой.

— Нет.

Даня устало усмехнулся.

— Определись.

Орк взял его за запястье и подвёл ближе к линии.

Остановил за два шага.

Показал: здесь.

Не дальше.

Сам сделал шаг.

Воздух дрогнул.

Горхад отступил.

Потом произнёс слово из своего языка, которое Даня слышал уже много раз. Раньше оно появлялось среди длинных фраз, и выделить смысл не получалось.

Сегодня Горхад сказал его отдельно.

— Дара.

— Дверь?

Горхад покачал головой.

— Шов?

Снова нет.

Он положил ладонь на грудь Дане.

Потом указал на линию.

— Дара.

Связь.

Привязка.

Ключ.

Даня перебирал варианты и ни один не записал.

Из-за деревьев донёсся свист.

Ниш.

Она выскочила на снег, бежала быстро, мешок бил по спине.

Увидела их и замахала обеими руками.

Горхад напрягся.

Ниш добежала, согнулась, упёрлась ладонями в колени.
Сказала что-то быстро.

Горхад переспросил.

Она повторила.

Он посмотрел на Поляну.

На Даню.

Снова на Ниш.

— Что?

Ниш схватила Даню за рукав и потащила к шву.

— Стой.

Она отпустила, полезла в мешок.

Достала маленький свёрток.

Развернула.

Внутри лежала детская варежка.

Не русская: тонкая серая ткань, на пальцах пришиты крошечные кожаные накладки.

Ниш показала на шов.

Потом обеими руками изобразила толпу.

Горхад сказал:

— Много.

Даня посмотрел на варешку.

— Когда?

Ниш не поняла.

Он показал солнце.

Потом на шов.

Ниш ткнула пальцем вниз.

Сейчас.

И почти сразу тонкая линия в воздухе стала ярче.

Не открылась.

Просто проявилась.

С той стороны донёсся шум.

Далёкий.

Смешанный.

Голоса.

Много голосов.

Горхад поднял с земли нож.

Не оружием.

Как человек, который наконец дождался работы.

Он перевёл взгляд на Ниш.

— Беги к дому.

Она не поняла.

Он показал.

Дом.

Люди.

Еда.

Сани.

Ниш поняла на третьем жесте и сорвалась с места.

Горхад остался.

Даня тоже.

Линия дрожала.

За ней кто-то плакал.

Кто-то кричал.

А потом детский голос произнёс слово, которое Даня уже знал.

— Мара.

Горхад закрыл глаза.

Всего на секунду.

Потом сказал:

— Ждать.

Даня кивнул.

— Ждём.

Глава 3. Те, кто вышел следом

Первой вышла женщина с ребёнком.

Не из света.

Света почти не было. Тонкая линия над снегом стала шире, воздух рядом с ней помутнел, и женщина буквально вывалилась вперёд, упала на колени и не выпустила ребёнка.

Горхад оказался рядом раньше Дани.

Подхватил её за плечо, что-то спросил.

Она ответила одним словом.

Он повернулся к Дане.

— Много.

За её спиной показался мужчина.

Потом ещё один.

Потом трое сразу.

Даня перестал считать.

— Игнат.

— Уже.

Игнат бежал к лесу.

Ниш сорвалась следом, но через пять шагов передумала, развернулась и полезла на дерево. С верхней ветки закричала в сторону имения так, что проснулись бы и мёртвые.

Шов расширялся медленно.

Не дверь.

Щель.

Через неё приходилось протискиваться боком, иногда на четвереньках. Люди выходили грязные, обожжённые, с узлами, без узлов, с оружием, с детьми. Один старик появился с клеткой, в которой сидела живая курица. Клетку он держал крепче, чем собственный посох.

За человеком с курицей прошёл орк.

Увидел Горхада.

Остановился.

Снял с плеча длинное копье и положил в снег.

Горхад шагнул к нему.

Они ударились лбами.

Даня решил, что это приветствие.

Потом второй орк разрыдался.

Горхад обнял его.

— Ладно, — тихо сказал Даня. — Значит, не только приветствие.

Никто не слышал.

Шум с той стороны стал громче.

Там кричали.

Здесь уже тоже.

Женщина, вышедшая первой, держала Даню за рукав и повторяла что-то, показывая на ребёнка. Мальчик был лет четырёх, босой, губы синие.

Даня снял шарф.

Намотал ребёнку на ноги.

Женщина заговорила быстрее.

— Я не понимаю.

Она прижала ладони к груди.

Потом вдруг протянула ему ребёнка.

Даня машинально принял.

Мальчик оказался почти невесомый.

— Эй. Нет. Ты куда?

Женщина уже повернулась к шву.

Горхад схватил её за руку.

Она вырвалась.

Закричала.

Ниш слетела с дерева, вклинилась между ними, затараторила. Женщина ответила. Ниш показала на ребёнка, на Горхада, на Даню, потом на шов.

Женщина замерла.

Поцеловала мальчика в волосы.

И шагнула обратно в линию.

Даня рванулся следом.

Горхад поставил перед ним руку.

— Нет.

— У неё там кто-то.

— Нет.

— Убери руку.

Горхад не убрал.

Линия дёрнулась.

Женщина исчезла.

Даня остался с ребёнком на руках.

Через пять секунд из шва вышла она же.

Тот же шаг.

Тот же поворот головы.

Те же руки.

Она снова протянула ребёнка.

Даня уже держал его.

Мир на короткий миг не знал, что с этим делать.

Первая женщина стояла перед ним.

Вторая тоже.

Потом изображение наложилось.

Осталась одна.

Она сказала ту же фразу.

Горхад ничего не заметил.

Ниш орала на кого-то другого.

Даня посмотрел на мальчика у себя на руках.

Тот плакал без звука.

Женщина снова повернулась к шву.

На этот раз Даня не пошёл.

— Чёрт.

Она исчезла.

Больше не вышла.

К рассвету во дворе было сто семнадцать человек.

Игнат считал по-своему.

— Людей сорок два. Орков два. Гоблинов пятнадцать.

Остальные...

Он посмотрел на существ возле конюшни.

Один был покрыт короткой рыжей шерстью от шеи до пальцев и носил человеческий сюртук без рукавов. Другой имел человеческое лицо, но глаза без белков. Третья женщина была совершенно обычной, если не считать тонкого хвоста, который она обмотала вокруг талии под платьем.

— Остальные разные, — закончил Игнат.

— Очень точный учёт.

— Пересчитывать будете?

— Нет.

— Тогда точный.

Даня сидел на ступеньке заднего крыльца и держал кружку, в которой давно остыла вода.

Во дворе двигались люди.

Его люди.

Не его.

Эта мысль за ночь менялась местами несколько раз.

Кухни не справлялись. Конюшни были забиты. Флигель, где лежал Горхад, превратился в лазарет. Марфа ходила между тюфяками с тазом и назначила себе двух помощниц из пришедших женщин, хотя они не понимали ни слова по-русски.

Понимали они Марфу прекрасно.

— Этого сюда. Нет, сюда! Милок, ты куда пополз? Лежи. Зверолод с перебинтованной ногой послушно ложился.

— Видите, — сказала Марфа Дане. — Нормальные.

— Кто?

— Все.

И ушла.

Управляющий пришёл через минуту.

Лицо у него было таким, каким Даня видел его только при пожаре амбара.

— Ваше сиятельство.

— Я слушаю.

— Крупы на кухнях до конца месяца.

— Сегодня какое?

— Третье.

— Плохо.

— Овса — если кормить ещё и их животных — на десять дней. Мясa...

— Сколько скота?

Управляющий назвал число.

Даня смотрел на двор.

У колодца сидела старуха из Эйрдана и грела руки о кружку. Рядом русский дворовый показывал мальчику, как качать воду. Мальчик не понимал, но смеялся.

— Режьте двух быков.

Управляющий побледнел ещё сильнее.

— Ваше сиятельство, это племенные.

— Тогда не их.

— Другие хуже.

— Значит, хуже.

— Весной пахота.

— Я знаю, когда весна.

— Если мы сейчас раздадим зерно...

— Не раздадим. Посчитаем.

Управляющий достал книжку.

Даня встал.

Вот здесь он почти автоматически хотел сказать: таблица, расход, запас, норма на человека.

Не сказал.

— Сначала накормите тех, кто не ел.

— Как определить?

— Марфа определит.

— Марфа не ведаёт запасами.

— Сегодня будет ведать людьми. Вы — запасами.

— А если она...

Он перевёл взгляд на него.

Управляющий встретил его взгляд и замолчал.

— Два быка, — сказал Даня. — Хлеб. Каша. Всё записать.

Отдельно наши, отдельно гости. Через три часа принесёте расход.

— Слушаюсь.

— И не называйте их гостями в книге.

Управляющий поднял глаза.

— Почему?

Даня посмотрел на двор.

— Потому что я не знаю, когда они уйдут.

К полудню появился первый конфликт.

Гоблины нашли кладовую.

Не взломали.

Нашли.

Пятеро стояли вокруг мешка с сушёными яблоками и с совершенно честными лицами ели чужое имущество.

Ниш увидела Даню и сразу начала считать.

— Один, два, три...

Русские числа она освоила быстрее Горхада.

— Не надо считать яблоки. Чьи?

Она ткнула в мешок.

— Еда.

— Это я вижу. Чья еда?

Ниш подумала, показала на дом. — Моя?

Даня кивнул. Она показала на себя. — Твоя?

Ещё один кивок.

— Нет, — сказал Даня. Ниш нахмурилась.

Даня забрал яблоко у ближайшего гоблина.

Тот оскорбился.

— Смотри.

Даня показал на мешок.

На дом.

На себя.

Потом на Ниш.

Показал пустую ладонь.

— Спросить.

Ниш посмотрела на ладонь.

Положила туда яблоко.

— Нет. Не так.

Игнат, стоявший сзади, сказал:

— Так тоже можно.

Через десять минут установили правило.

Если еда лежит в общем котле — можно.

Если в мешке — нельзя.

Если мешок Ниш — можно Ниш.

Если мешок управляющего — особенно нельзя.

Последний пункт Ниш поняла лучше остальных.

К вечеру правило нарушили четыре раза.

Для первого дня это было почти успехом.

Мальчика звали Тарен.

Или Тарем.

Или Даня неправильно слышал.

Мать не вернулась.

Он сидел на кухне возле печи, завернув ноги в Данин шарф, и отказывался есть без неё.

Марфа поставила перед ним миску.

Мальчик отвернулся.

Она переставила миску с другой стороны.

Он отвернулся туда.

Марфа села напротив.

— Ну и кто кого?

Мальчик не ответил.

Марфа взяла ложку.

Съела одну ложку каши.

Подумала.

Съела вторую.

Мальчик посмотрел.

Марфа подвинула миску.

Он взял ложку.

— Вот, — сказала она. — А то характер.

Даня стоял в дверях.

— Где он будет?

— Здесь пока.

— На кухне?

— Тепло.

— Я про потом.

Марфа пожала плечами.

— Потом наступит — решим.

— Может, у него отец там.

— Может.

— Мать может вернуться.

— Может.

— Ты можешь хоть раз ответить нормально?

Марфа посмотрела на мальчика.

— Ест. Вот нормально.

Даня ушёл.

На третий день пришёл сосед.

Сосед был не князь Трубецкой и вообще не известный человек.

Алексей Петрович Собакин владел землёй в двенадцати верстах к северу и последние два года видел Даню трижды: на именинах, на охоте, куда Даня не поехал, и на дороге, где они раскланялись из карет.

Теперь Собакин приехал «по-соседски».

С собой привёз слугу и ничего больше.

Это уже было подозрительно.

— Пётр Кириллович! — сказал он, входя в кабинет. — Давно собирался.

Собакин на секунду не понял.

Даня улыбнулся.

— Чай?

— С удовольствием.

Первые десять минут говорили о погоде.

Потом о дорогах.

Потом о цене овса.

Собакин держался прекрасно.

На одиннадцатой минуте спросил:

— А у вас, говорят, нынче много гостей?

— Бывает.

— Иностранцев.

— Бывает.

— Персиян?

Даня поставил чашку.

Легенда дошла двенадцать вёрст за три дня.

Неплохо.

— В том числе.

— Удивительно.

— Почему?

Собакин пожал плечами. — Зима. Персия далеко.

— Очень.

— Говорят, один из них ростом с дверь.

— Двери разные.

Собакин рассмеялся.

Даня тоже.

— А ещё, — продолжил сосед, — говорят, детей у вас полон флигель.

— Несколько.

— И женщины.

— Есть.

— И вооружённые люди.

Вот тут чай закончился.

Даня откинулся на спинку кресла.

— Алексей Петрович. Вы приехали узнать, собираю ли я войско?

Собакин испугался искренне.

— Господь с вами.

— Тогда что?

— Я сосед.

— Это я знаю.

— У меня деревни рядом. Люди говорят. Если у вас болезнь — мне надо знать. Если разбойники — тоже.

Он перевёл взгляд на него внимательнее.

Собакин был не шпионом и не злодеем. Просто помещик, у которого в двенадцати верстах от дома вдруг появились сотни неизвестных людей.

На его месте Даня тоже приехал бы.

— Болезни нет, — сказал он. — По крайней мере, такой, какой вы боитесь.

— А какой есть?

— Обычная. Раны. Простуда. Голод.

— Кто они?

Вот на этот вопрос у Дани было уже три ответа.

Персияне.

Беженцы.

Люди из другого мира.

Он выбрал средний.

— Люди, которые потеряли дом.

Собакин подождал.

— Откуда?

— Издалека.

— Из Персии?

Даня вздохнул.

— Пусть будет из Персии.

Собакин посмотрел на него так, будто впервые понял: ему лгут.

Встал.

— Я не стану спрашивать больше.

— Спасибо.

— Но если к моим деревням пойдут вооружённые...

— Я пришлю человека раньше.

Собакин поклонился.

У двери остановился.

— Пётр Кириллович.

— Да?

— Рога у них есть?

Даня закрыл лицо ладонью.

Собакин ушёл довольный.

Слух дошёл до дороги раньше, чем Даня успел решить, что с ним делать.

На четвёртый день один из приказчиков сообщил, что в трактире уже рассказывают про «людей графа Безухова, которые ночью ходят по лесу и едят сырое мясо».

Горхад действительно ел мясо почти сырым.

— Пусть жарят дольше, — сказал Даня.

— Он не ест жареное.

— Пусть.

— Не ест.

— Тогда пусть ест сырое внутри дома.

Приказчик записал.

Даня уставился на него.

— Это не распоряжение для книги.

— А как тогда?

— Никак.

Приказчик вычеркнул.

На пятый день возле ворот появились двое мужиков из соседнего села. Хотели посмотреть на «чудо».

На шестой — торговец с тканями.

На седьмой — нищий, который предлагал за медяк показать место, где «бесы выходят из земли».

Игнат дал ему хлеб и прогнал.

На восьмой день Даня поставил людей на дороге.

Не солдат.

Дворовых.

Задача была простая: никого не бить, никого не пускать без дела, не рассказывать ничего.

К вечеру половина округа уже знала, что граф выставил караул.

Шов в эти дни почти не менялся.

Проходили одиночки.

Двое.

Трое.

Ниш исчезала и возвращалась.

Горхад большую часть времени сидел у края Поляны,

несмотря на Марфины угрозы. Он смотрел туда, откуда пришёл, и вставал каждый раз, когда линия становилась ярче.

Однажды вышла старая орчиха.

Горхад увидел её и впервые побежал.

Рана открылась на половине дороги.

Он всё равно добежал.

Старуха ударила его ладонью по лицу.

Потом обняла.

Марфа, когда узнала, сказала:

— Правильная мать.

Даня не стал выяснять, действительно ли это была мать.

В другой день из шва вынесли носилки.

На них лежал человек, которого уже нельзя было лечить.

Его похоронили за лесом.

Горхад положил на могилу хлеб.

Ниш — медную монету.

Русский плотник, помогавший делать гроб, постоял рядом и снял шапку.

Через две недели запасы пришлось считать всерьёз.

Не потому что управляющий требовал.

Потому что людей стало двести тридцать один.

Даня сидел с ним до ночи.

Зерно.

Мясо.

Сено.

Соль.

Дрова.

Места для сна.

Он больше не пытался лично проверить каждый мешок.

После Кузьмы эта привычка не исчезла. Просто перестала казаться добродетелью.

— Кто отвечает за кухню?

— Савельев.

— Кто проверяет?

Управляющий назвал другого.

— Пусть меняются через неделю.

— Ваше сиятельство...

— Что?

— Это вы уже вводили.

Даня остановился.

— И работает?

— Иногда.

— Тогда не трогайте.

Он откинулся на спинку.

— Сколько продержимся?

— Если новых не будет — месяц.

— Будут.

Управляющий ничего не сказал.

— Сколько, если будут?

— Это зависит от того, сколько.

— Я знаю.

— Тогда я не знаю.

Даня кивнул.

— Покупайте зерно.

— Цена пойдёт вверх.

— Уже пошла?

— Да.

— Кто продаёт?

Управляющий перечислил три имени.

Среди них было Собакино.

Даня усмехнулся.

— Нашёл применение Персии.

— Ваше сиятельство?

— Ничего. Покупайте.

Солдаты появились утром.

Игнат вошёл в кабинет без подноса.

Это было первым признаком.

— Барин.

Даня поднял голову от счётов.

— Что?

— Люди в лесу.

— Наши?

— Нет.

— Собакина?

— Нет.

Игнат подошёл к окну.

Во дворе уже бежал Федька.

— Со стороны дороги идут. Много.

Даня встал.

— Кто видел?

— Караульный.

— Вооружены?

Игнат посмотрел на него.

— Солдаты.

За окном раздался колокол.

Не церковный.

Тот, которым звали людей при пожаре.

Один удар.

Второй.

Двор ожил.

Горхад вышел из флигеля уже в доспехе.

Марфа бежала следом и орала:

— Я тебе что сказала про рану!

Он не обернулся.

Ниш появилась на крыше конюшни с арбалетом.

Русские дворовые хватали вилы, хотя никто им не приказывал.

Даня вышел на крыльцо.

— Оружие убрать!

Его слышали не все.

Он спустился во двор.

— Убрать оружие! Сейчас!

Кто-то опустил вилы.

Ниш не опустила арбалет.

— Ниш!

Она показала в сторону дороги.

Между деревьями уже двигались тёмные фигуры.

Ровные ряды.

Штыки.

Горхад встал рядом с Даней.

— Враг?

Одно из новых русских слов.

Даня посмотрел на солдат.

Потом на двор, забитый людьми, которые не существова-
ли ни в одном рапорте Российской империи.

— Пока нет.

Горхад положил ладонь на топор.

— Пока.

Из леса донеслась команда.

Чёткая.

Русская.

Ниш натянула тетиву.

Даня схватил её арбалет и опустил вниз.

— Нет.

Она зашипела.

— Нет.

Горхад сказал то же самое:

— Нет.

Ниш посмотрела на обоих и отпустила тетиву.

Стрела осталась на месте.

На дороге показался первый офицер.

За ним второй.

Потом ещё.

Игнат подошёл к Дане и застегнул на нём сюртук, который тот так и не успел привести в порядок.

— Зачем?

— Граф.

— Что?

Игнат поправил воротник.

— Они сначала вас увидят.

Он перевёл взгляд на свои сапоги. Один был в грязи.

Поздно.

Он вышел за ворота.

Навстречу русским солдатам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.